

УДК 165.9(32):323.285

Кафтан В.В.

Терроризм в мифологическом пространстве

Кафтан Виталий Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры прикладной политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

E-mail: kaftanvit@mail.ru

В настоящей статье сделана попытка выявить основные контуры мифологического пространства терроризма (мифы о жертвенности, мученичестве и героизме террористов, мифологические сообщения, коммуникации и информационно-коммуникативные технологии, формирующие привлекательный образ террориста), обозначить некоторые архетипические основания массового сознания, которые активно используют специалисты в области мифодизайна для обоснования террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, мифология, мифологическая коммуникация, мифодизайн, мученичество, ризома.

Многие исследователи терроризма указывают на его мифологическую природу, архетипические основания его становления и развития, образно-художественное осмысление мира, укорененное в мифологии и явленное через литературу, кино и другие формы искусства¹. «Терроризм – один из наиболее впечатляющих мифов, которыми одержимо массовое сознание – утверждает Н. Мелентьева. – Реальное политическое значение терроризма ничтожно, но как символ, как захватывающий образ, как психологический ход он приобрел удивительную значимость в современном мире»².

Существует огромное количество определений *мифа*, но следует зафиксировать прежде всего его понимание как повествования об архетипическом событии, имеющем символическое значение, указывающем на необходимость его копирования в ритуальном акте и убеждающем в реальности этого события путем эмоционального переживания от исполнения ритуала³.

Миф обладает рядом специфических признаков, к которым следует отнести:

- понятное и упорядоченное раскрытие устройства мира;
- не подлежит проверке на правильность, реальность;
- нельзя опровергнуть (нет автора), можно только подтвердить;
- представляет собой единственно возможный универсальный взгляд на мир (все знают, что так всегда было);
- довольно легкий перевод на уровень самых простых ситуаций;
- признание отсутствия причинно-следственных связей;
- своеобразный симбиоз прошлого с настоящим;
- базирование на архетипе (герой, правитель, мудрый старец и др.).

Указанные признаки, в частности, базирование на архетипе, находят свое воплощение во вполне конкретных проявлениях террористической деятельности, в том числе в т.н. современном исламском экстремизме, идеологически восходящем к неконформизму ханбалитского мазхаба (правовой школы). Так, по мнению конфликтолога В.А. Лефевра, в Афганистане сегодня происходит *столкновение двух совершенно различных этических систем* – ЭС-1, где компромисс оценивается положительно (антитеррористическая коалиция) и ЭС-2, где цель оправдывает средства (террористы организации «Талибан»). Каждая система состоит из жертвенных индивидов – «святых», «героев» и нежертвенных индивидов – «обывателей» и «лицемеров» (т.е. архетипов), причем в каждой системе индивидам присущи разные качества. В террористической войне противостоят друг другу одинаковые по агрессивности, и уровню конфликтности, но разные по призванию типы – нежертвенные индивиды ЭС-1 «обыватели», имеющие низкую самооценку и «лицемеры» с высокой самооценкой против жертвенных типов ЭС-2 «святого» с низкой и «героя» с высокой самооценкой. Лефевр объясняет ожесточенный характер этого противостояния тем, что самими представителями ЭС воспринимается как своя сильная сторона противниками считается несомненной слабостью⁴.

Рассмотрим некоторые наиболее значимые применительно к предмету исследования мифологические концеп-

¹ См., напр.: Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М.: ЛКИ, 2007.

² Мелентьева Н. Размышления о терроре // Элементы. 1996. № 7. С. 17.

³ См. подробнее: Поправко Н.В., Сыров В.Н. Генезис массового сознания // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 66–78.

⁴ Поверим алгеброй мировую дисгармонию. Беседа с В.А. Лефевром // Кентавр. 2003. № 31. С. 64–66.

ции, к которым следует отнести *нормативно-ритуальную теорию мифа* Б. Малиновского, *лингвистическо-семантическую теорию мифа* К. Леви-Строса, *коммуникативно-идеологическую теорию мифа* Р. Барта и *конструктивистско-символическую теорию мифа* Э. Кассирера.

По мнению антрополога Б. Малиновского, миф служит «матрицей социального порядка и сводом примеров нравственного поведения». В примитивной культуре миф выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы, подтверждает действенность обряда и содержит практические правила, направляющие человека¹.

Древнейшим мифологическим обрядом является *инициация* – символическая смерть и последующее «воскресение» испытуемого. В ходе инициации имитировались смерть и связанные с нею страдания, что принимало нередко жестокие формы, вплоть до пыток. Тот, кто успешно проходил обряд, приобретал статус «настоящего» мужчины – воина. Таким образом, ритуальная смерть ассоциировалась с мужеством, а страдание и его преодоление воспринимались как духовно преобразующий акт героизма – подвиг.

Следует отметить, что в традиционном исламе под «шахидом» понимается защитник веры и своего Отечества (не случайно мечеть на Поклонной горе в память об участниках Великой Отечественной войны носит наименование «Мечеть шахидов»), а под «джихадом» – «борьба против оккупантов, колониальных захватчиков, и тех, кто помогает им», «кто не сдерживает своих слов, дав определенные обязательства», или с теми, кто мешает мусульманам «мирно исповедовать» свою религию². Боевики по сути лишь используют цитаты, выхваченные из контекста Корана, обосновывая ими свое право на применение террористического насилия против людей другой веры. Так, неоднократно заложники, знакомые с текстами Священного писания, спасшиеся из плена террористов, заявляли, что из разговоров с ними часто следовало, что многие боевики никогда не держали Коран в руках, а те, кто что-то знал, руководствовались не первоисточником, а так называемыми «фетвами» – произведениями отдельных авторов, часто настроенных весьма экстремистски.

Однако мифология исламского терроризма активно использует указанные образы, трансформируя террористическую активность в священную религиозную войну – джихад, а террориста-смертника в образы муджахида – воина Бога и шахида – воина-мученика. Переход в статус муджахида, готового бескорыстно пожертвовать собой ради Аллаха, придает индивидууму, подобно инициации, новый социальный статус, а мученическая смерть на поле брани переводит его в разряд героев, одной лишь своей смертью стяжавших рай. Привлекательность подобного варианта служит постоянным источником притока все новых adeptов.

Философ-структуралист К. Леви-Строс считал, что миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, *отделиться* от языковой основы, на которой он сложился³. Через миф происходит трансляция своеобразных закодированных «посланий» от культуры к индивиду. Мифу присущи некоторые общие глубинные схемы описания мира или «бинарные оппозиции»⁴ (добро – зло, жизнь – смерть, счастье – несчастье, прошлое – будущее). Смысл понятия «друг» выявляется через понятие «враг»; «жизнь» – через «смерть» и т.д. Левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая – отрицательно.

Постмодернисты Ж. Делёз и Ф. Гваттари настаивают, что в современном мире в силу его быстротечности, нестабильности и изменчивости, бинарные оппозиции теряют единые критерии, стандарты, которые позволили бы объективно определить величину «различия» или «отличия» одного явления от другого, все они образуют по отношению друг к другу децентрированную, подвижную сетку которую можно обозначить как ризому⁵.

Ризома может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, она абсолютно нелинейна: «мир потерял свой стержень». Ризоме соответствует образ мира как *хаосмоса* (внутреннее тождество мира и хаоса), что предполагает открытость различным возможностям конфигурирования.

В террористической мифологии бинарные оппозиции могут изменить свое значение, поменявшись местами. В оппозиции «верность – предательство» *верность* определяется как стойкость и неизменность в исполнении своих обязанностей, долга, *предательство*, напротив, выступает нарушением верности кому-либо или неисполнением своего долга. Обосновывая мифологию народнического терроризма, С.Г. Нечаев⁶ утверждал, что для революционера-террориста нравственным должно быть «все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»⁷. При этом мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к товарищу по революции определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции (ярчайшей иллюстрацией чего является устранение члена «Общества народной расправы» студента Иванова, выступившего против плана Нечаева по распространению прокламаций в Петровской сельскохозяйственной академии, что могло привести к её закрытию, обвиненного Нечаевым, почувствовавшим угрозу своей власти, в предательстве и сотрудничестве с властями и показательно убитого в целях сплочения группы).

¹ См.: Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 95–97.

² Подробнее см.: Мусульманские богословы дали в Мекке определение терроризму [Электронный ресурс] // NEWSru.com: Религия и общество. 2002. 15 января. Режим доступа: http://txt.newsru.com/religy/15jan2002/mekka_confer.html.

³ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-пресс, 2001. С. 218–219.

⁴ Бинарные оппозиции (от лат. binarius – двойственный и oppositio – противопоставление) – способ определения социальной реальности, основанный на дуалистическом принципе противопоставления двух противоречащих друг другу признаков, невозможность понимания мира до конца компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир.

⁵ Ризома (от фр. rhizome – корневище, растение со сложной разветвленной корневой системой) – фиксирует принципиально веструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования (См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 13–14).

⁶ Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882) – нигилист, один из первых представителей русского революционного терроризма, организатор и лидер «Общества народной расправы».

⁷ Нечаев С.Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997.

Р. Барт полагает, что миф, как и средства массовой информации, представляет собой особую коммуникативную систему. Применительно к мифу необходимо говорить о подмене означающего означаемым, т.е. содержание в мифе становится всего лишь формой, искусственно порожаемой идеологией. Барт называет миф «похищенным языком», что, свидетельствует об извращении коммуникативного процесса – смысл превращается в форму¹.

Миф пропитывает собой всю социальную действительность, не оставляя буквально ни одной щелки, которая давала бы доступ к «настоящей» действительности. Эта анонимная и аморфная масса расхожих слов и представлений, позднее обозначенная Бартом как «докса» (общепринятое мнение), представляет собой первичный и неистощимый источник мифов. В своей универсальности она встает непреодолимой преградой между человеком и миром, между сознанием и реальностью.

Идеолог анархизма П.А. Кропоткин особое внимание уделял агитационному воздействию на общество и видел смысл терроризма, прежде всего, в возбуждении революционной активности масс, считая теракт «пропагандой действием»: «Выступления, привлекающие всеобщее внимание, открывают идею доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр. Важнее всего то, что он будит бунтовской дух, пробуждает в людях смелость... Скоро начинается обнаруживаться, что существующий государственный "порядок" не так уж силен, как думали раньше. Какого-нибудь смелого акта оказывается достаточно, чтобы весь правительственный механизм расстроился: чтобы великан пошатнулся...»².

Современная цивилизация самоидентифицируется с помощью набора «мифопорождающих машин», утверждает Г. Почепцов³. В качестве таких машин выступают масс-медиа, кино и массовая литература, они в сильной степени коррелируют друг с другом, создавая системную картину мира. Герой в них побеждает и в прошлом, и в будущем и все чаще таким героем выступает террорист. В продукции Голливуда можно найти мифы о *террористических организациях* («Матрица») и *террористах-одиночках* («Терминатор»), спасающих мир и масштабные картины апокалипсических *террористических акций* с использованием оружия массового уничтожения («Миротворец», «Немыслимое») вызывающих симпатию и сопереживание зрителей⁴.

Миф часто становится спасением для человека, уставшего от отсутствия стабильной системы духовных координат, живущего в ситуации ускользающих ценностей. Чем более подавляема в обществе личность, тем более она тяготеет к мифу. По словам Э. Фромма, «человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы»⁵. Происходит своего рода восполнение ограниченности человеческих возможностей, освобождение от страхов перед неведомыми и неконтролируемыми процессами, происходящими в современной культуре. Страх перед завтрашним днем заставляет человека спасаться и прятаться в мире собственных фантазий. Мифы являются средством подобного спасения, кроме того, они позволяют индивиду сконструировать наиболее приемлемые для себя образы и границы будущего⁶.

В представлении Э. Кассирера миф обладает способностью «расслаивать» бытие на различные семантические поля. Иными словами, миф изначально обладает способностью трансформировать восприятие реальности, придавая ей особый смысл и значение. «Миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь»⁷.

Деятельность по созданию мифов, получившая сегодня название *мифодизайн*⁸, представляет собой социокультурную технологию по проектированию современных мифов (воссоздание универсальных мифологических образов и сюжетов) как сообщений, построенных по законам построения мифов, доверительно воспринимаемых социальными субъектами в качестве реальности их жизненного мира, благодаря использованию архетипических и других мифологических структур и их распространению по каналам массовой коммуникации.

Велика роль интеллигенции в создании мифов. Так, М. Могильнер показывает возможности по созданию влиятельных мифологем властителей дум эпохи конца XIX – начала XX вв. И. Каляева⁹, В. Засулич¹⁰, В. Фигнер¹¹, М. Спиридоновой¹², В. Ропшина (Б. Савинкова)¹³ и др. в той или иной мере причастных к производству коллективного мифа о

¹ См.: Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М.: Академический проект, 2010. С. 37.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С. 348–349.

³ См.: Почепцов Г. Как «перекрещивают народы». Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. К.: Ваклер, 1998. С. 10.

⁴ Semati M.M. "Sex, Violence, and Terrorism in Hollywood's International Political Imagery." *Media, Sex, Violence, and Drugs in Global Village*. Eds. Y.R. Kemalipour and K.R. Rampal. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2001, pp. 235–260; Riegler T. "Through the Lenses of Hollywood: depictions of Terrorism in American Movies." *Perspectives on Terrorism* 4.2 (2010): 35–45; Boggs C., Pollard T. "Hollywood and the Spectacle of Terrorism." *New Political Science* 28.3 (2006): 335–351.

⁵ Фромм Э. Бегство то свободы. М.: Академический Проект, 2007. С. 7.

⁶ См.: Геращенко Л.Л. Мифология рекламы. М.: Диаграмма, 2006. С. 25.

⁷ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 61.

⁸ См. подробнее: Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005.

⁹ Каляев Иван Платонович (24 июня (1877–1905) – революционер, террорист, эсер, поэт.

¹⁰ Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – деятель российского и международного социалистического движения, народница, террористка, писательница.

¹¹ Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – революционерка, террористка, член Исполнительного комитета «Народной воли», позднее эсерка.

¹² Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – террористка, одна из руководителей партии левых эсеров.

¹³ Савинков Борис Викторович (литературный псевдоним В. Ропшин, 1879–1925) – революционер, террорист, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров, участник Белого движения, прозаик, поэт, публицист, мемуарист).

герое-революционере, жертвующем собой во имя светлого будущего¹.

Интеллигенция, образующая собственную семиосферу², чьи гуманистические ценности в принципе противоречили насилию, да ещё системному, вынуждена была трудиться над самооправданием, и именно поэтому Подпольная Россия не исчерпывается лишь профессиональными революционными группами и партиями, но обязательно включает тексты, описывающие эти организации и их членов, навязывающие их образ, как самим радикалам, так и Легальной России³. Однако воспеваемый интеллигенцией герой-революционер на самом деле не кто иной, как террорист.

По мнению М. Маклюэна, массовые коммуникации формируют общественное мнение, активно занимаясь мифологизацией массового сознания⁴. Миф становится ложной мобилизующей системой, искусственно «вписывающей» массы в социальную реальность, создавая при этом у массового потребителя иллюзии комфорта и истинности: коммуникативные технологии воздействуют на культурно-информационное пространство, мифологизируя его, т.е. искажая реальность, превращая его в объект политических и идеологических манипуляций.

Р. Барт выделяет основные элементы мифологической коммуникации, среди которых следует различать: прививку, изъятие из истории, тождество, тавтологию, нинизм, квантификацию качества, констатацию⁵.

Рассмотрим организацию мифологической коммуникации более детально во взаимосвязи с террористической деятельностью.

В случае *прививки (иммунизации)* вводимое мини-зло призвано скрыть главное зло, связанное с тем или иным объектом. Русский якобинец П.Н. Ткачев⁶ писал, что самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки» расстроила и погубила народное благосостояние, довела массу народонаселения до состояния нищеты и хронического голода, водворила во всех отраслях общественного управления систему хищения и всяческих злоупотреблений, вызвала у раба-холопа скотский страх за свою жизнь и личную безопасность. Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он сознает свои права, сознает всю униженность своего рабства и делается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами. Для этого необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу данной государственной власти лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть. В мифологии терроризма, насаждаемой Ткачевым, по сути санкционируется в результате теракта гибель конкретных людей, в том числе и абсолютно посторонних, не принимающих никакого участия в конфликте.

История исчезает из мифа, поскольку происходит подчинение существующим сегодня задачам. Миф обладает вневременностью, в мифе история улетучивается, т.е. выполняет сугубо служебную функцию: создавая условно-правдоподобный антураж, она облегчает усвоение мифологического сообщения. Исходя из этого, можно предположить, что миф перекаривает реальность в сознании новообращенного террориста или лица, сочувствующего боевикам, пользуясь разнообразными приемами, схемами и образами среди которых, например, можно назвать специальные видео-послания с записью казни западных журналистов, захваченных ИГИЛ и транслируемых по всему миру с помощью видеохостинга YouTube.

Тождество трактует обработку нового материала, который попадает в поле зрения: его либо игнорируют, либо превращают в тождественный себе, иного превращают в чистый объект, зрелище. Классик электронного музыкального авангарда К. Штокхаузен назвал на пресс-конференции на Гамбургском музыкальном фестивале 23 сентября 2001 г. взрывы Всемирного торгового центра «величайшими произведениями искусства». «То, что произошло, – сказал он, – заставит всех переустроить свои мозги – и это величайшее произведение искусства. Эти люди одновременно добились того, о чем мы в музыке не смели и мечтать. Они фанатично готовились десять лет, для одного исполнения, и затем умерли. Это величайшее произведение искусства в целом космосе. Я не мог бы так сделать. Этому нам, композиторам, нечего противопоставить»⁸.

Тавтология как определение объекта через него самого используется, когда не хватает объяснений. Эту «спасительную утрату дара речи» можно проиллюстрировать концепцией создания идеального государства – «исламского халифата» не имеющего никаких конкретных характеристик, кроме объяснения через него самого.

Нинизм («ни то ни се») – две противоположности взвешиваются, но потом обе они все равно отбрасываются. Если выбор представляет затруднение, то сравниваемые величины объявляются разными; неприемлемую реальность отвергают, сводя ее к двум противоположностям, которые уравнивают друг друга только в той мере, в какой они являются формальными, лишены своего удельного веса. Так, за предсказываемым злом, например, необходимо убивать не только немусульман, но и мусульман, не желающих участвовать в терроризме, следует уравнивающее его благо – активный участник террористической войны попадет сразу в рай, одно должно компенсировать другое «устанавливаемое равновесие парализует любые ценности, жизнь, судьбу и т.д. Выбирать уже не приходится, остается только расписаться в получении»⁹.

Квантификация качества – это попытка перевести любое качество к количеству. Так, ХАМАСом (Исламское движение сопротивления) и его военным крылом, Бригадами «Из ад-Дин аль-Кассам», растиражирована информация о том, что за 25 лет своего существования они провели 1117 акций, в терактах погибли 1365 израильтян и 6411 были ране-

¹ См.: Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

² Семиосфера – социальное пространство знаковых систем, по объекту равно культуре (См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000).

³ Могильнер М. Указ. соч. С. 9–11.

⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 32.

⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 117–130.

⁶ Ткачев Петр Никитич (1844–1886) – литературный критик, публицист, идеолог якобинского направления в народничестве.

⁷ Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Избр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 268.

⁸ Цит. по: Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 22 мая 2006 г. «Мечта и катастрофа: смена прописей мира». М.: Издательский дом «Красная площадь», 2006.

⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. С. 124.

ны, по Израиллю выпущены 11093 ракеты, 1848 террористов-смертников «принесли себя в жертву», тем самым доказывая свою высокую эффективность и конкурентоспособность по сравнению с другими экстремистскими организациями¹.

Констатация – это тяготение мифа к пословице, афоризму. Так, якобинцы во времена Великой французской революции осенью 1793 г. издали серию указов о запуске маховика репрессий, лозунгом, который подхватили затем французы, стало изречение: «Да будет террор в порядке дня!» (Qu'il y ait la terreur dans l'ordre du jour!).

Все мифологические технологии обращаются к мифологическому мышлению и коллективному бессознательному, обеспечивая тем самым легкость и естественность восприятия мифологического сообщения, прогнозируемость и проектируемость реакций от сообщений, т.е. эффективность мифологической коммуникации.

Особую значимость в современной мифологии терроризма приобретает *мифология жертвоприношения и мученичества*. Человек, избравший путь террориста-смертника, совершает практически невозможный в обычных условиях скачок внутри групповой иерархии, он переходит в число «избранных», которым, в случае успешного завершения миссии уготован рай, где они получают заслуженное вознаграждение.

Тема совместного жертвоприношения здесь очень важна: кровь смертника укрепляет коллективный миф подобно крови жертвенного агнца. Именно поэтому можно считать, что террористы-самоубийцы – не что иное, как плод коллективного гипноза, суггестивного воздействия группы на себя самое. Отныне каждый его шаг, каждый поступок приобретают огромную важность; он чувствует совершенно новую мотивацию; возрастает самооценка. Шахид уже не принадлежит себе самому, но – всей общине-умме и лично Богу².

Человек живет лишь мыслью о предстоящем «подвиге» и своем дальнейшем преображении, однако, эта «отметина смерти» отнюдь не означает, что террорист-самоубийца превращается в подобие зомби, – его функции восприятия не нарушены, отсутствуют расстройства мышления, сохраняются сомнения и страхи, а также возможности вступать в коммуникацию.

Цель изучения мифологии мученичества, считает М. Хафез, состоит в том, чтобы показать, как террористические группы достигают целей передать свое сообщение, манипулируя этими историями, а не в том, чтобы выяснить, отражают ли эти мифологии действительное положение вещей. Пропаганда здесь пытается выйти за пределы идеологической и политической аргументации и использует архетипы, глубоко заложенные в исламской культуре и арабских этносах. При этом эксплуатируются три темы: *унижение* (персонализация страдания, чувства беспомощности и возмущения перед действиями властей, страдания женщин), *бессилие* из-за тайного сговора между «крестоносцами» и правительствами мусульманских стран и *искупление грехов через веру и жертвенность* (спасение и очищение от грехов мусульман через веру во Всевышнего и стремление приносить жертвы на пути к Нему). Все это апеллирует к представлениям о мужественности, пронизывающих племенную культуру, в которой понятия *благородство* (шараф), *честь* (ирд) и *мужество* (муруах) имеют главенствующее значение³.

Мифология, которой окружены мученики и мученичество пропагандирует образ так называемой «героической личности», готовой на самопожертвование, якобы ради спасения своего «страдающего под пятой тирании народа». Народник Н.К. Михайловский в своей статье «Герой и толпа» утверждал, что все в истории зависит исключительно от воли героев, критически мыслящих личностей. Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы⁴.

В Вифлееме, городе, где родился Иисус Христос, находящемся ныне на территории Палестинской Автономии, имеется своеобразная «аллея героев», где размещены десятки портретов террористов-смертников, совершивших свои акции на территории Израиля.

Пропаганда, окружающая «мучеников», активно распространяется и на сайтах интернета, видеозаписях террористических операций, в онлайн-журнале Аль-Каиды и других террористических групп – «Биографии выдающихся мучеников», эти материалы, короткие и противоречивые и исключительно пропагандистские, указывают, по крайней мере, на четыре особенности мифологии мученичества:

- искренняя преданность религии (смертники изображаются как глубоко религиозные люди, ведь взрывы бомб с помощью смертников могут считаться мученичеством, только если бомбисты являются истинными мусульманами, которые борются с верой в Аллаха в душе и погибают ради Него);

- желание пожертвовать личным богатством и семейными узами ради Всевышнего (бомбисты отказались от всего, что им дорого, они заявляют, что многие вышли из богатых семей или сделали личные пожертвования, использовали свои скромные сбережения для поездки на войну. В материалах используются сильные образы отца, оставляющего своего новорожденного ребенка, покидающего семью, чтобы бороться и умереть на пути к Богу);

- желание совершить «мученический подвиг» (тема целеустремленности и радости призвана показать, что бомбистов не заставляли совершать свои самоубийственные операции и не промывали им мозги героических

¹ См., напр.: ХАМАС: война одних за землю всех [Электронный ресурс] // Warspot. Режим доступа: <http://warspot.ru/963-hamas-voyna-odnih-za-zemlyu-vseh>; Бригады «Изз ад-Дин аль-Кассам» [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бригады_«Изз_ад-Дин_аль-Кассам».

² Королев А.А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. М.: Московский гуманитарный университет, 2008. С. 31.

³ См.: Hafez M.M. "Martyrdom Mythology in Iraq: How Jihadists Frame Suicide Terrorism in Videos and Biographies." *Terrorism and Political Violence* 19.1 (2007): 95–115; Idem. "A Case Study: The Mythology of Martyrdom in Iraq." *eJournal USA*. May 2007. PDF-file. <<https://www.hsdl.org/?view&did=474035>>; Idem. "Dying To Be Martyrs: The Symbolic Dimension of Suicide Terrorism." *Root Causes of Suicide Terrorism: The Globalization of Martyrdom*. Ed. A. Pedahzur. New York and Oxford: Routledge, 2006, pp. 54–80.

⁴ Михайловский Н.К. Герой и толпа // Избр. труды по социологии.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Алетей, 1998. С. 34–35.

мучеников, которые полностью в ответе за сделанный выбор и свою судьбу);

– успех в совершении «мученического подвига» (преувеличивается удача операций с участием смертников, чтобы убедить потенциальных новобранцев, что принесение ими в жертву своих жизней не будет напрасным)¹.

Сочувствующие террористической организации склонны осознавать свою причастность к группе, даже если в реальности они не достаточно способствуют деятельности этой организации (ложная аффилиация²). Здесь им на помощь приходит мифология, предлагая особый маркер принадлежности к данной социальной группе. В.В. Тарасенко, выделяет несколько типов террористической организации, среди которых имеется организация *мифопоэтического типа*, обладающая ресурсом самовоспроизводства – это коллективные идеи, ценности и нормы, представления о справедливости, которые она сформировала о себе в обществе или которые она эксплуатирует, распространяя их в своих идеологемах и установках лидера. При уничтожении лидера и всех террористов в отличие от организации лидерского или идеологического типов, указанная группировка может быстро восстановиться – роли лидеров, рядовых боевиков занимают люди из внешнего окружения, рекрутируемые в организацию мифами – представлениями сообщества о миссии и видении этой организации³.

К числу террористических формирований такого типа относятся, представляющие сегодня наибольшую угрозу для безопасности как во всем мире, так и в России: «Исламское государство», «Исламская Партия освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Имарат Кавказ» др.

Таким образом, современное общество в мифологии террористов выступает мифологически инструктированным социумом с принципиально новой моделью социально-политической реальности, связанной с процессами фрагментации (культ жертвоприношения и мученика) и трайбализации⁴ (появлением групп террористов, позиционирующих себя как новый народ – «братья-мусульмане») и утверждением футурологической модели единого исламского государства, сакрализирующей террористическую деятельность в качестве священной войны джихада и использующей инициационный ритуал для групповой идентификации.

В качестве вывода необходимо отметить, что для того, чтобы эффективно противостоять террористам, надо понять особенности их убеждений, ценностных ориентаций, поведенческих установок, которые во многом опираются на мифологическое мировоззрение. И здесь следует с полным вниманием отнестись к предупреждению исследователя мифов Э. Кассирера: «Понять миф – означает не только понять его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые слышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его»⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М.: Академический проект, 2010.
3. Бригады «Изз ад-Дин аль-Кассам» [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бригады_«Изз_ад-Дин_аль-Кассам».
4. Геращенко Л.Л. Мифология рекламы. М.: Диаграмма, 2006.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризомы // Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 16–32.
6. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
7. Королев А.А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. М.: Московский гуманитарный университет, 2008.
8. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-пресс, 2001.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
10. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003.
11. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 92–144.
12. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 22 мая 2006 г. «Мечта и катастрофа: смена прописей мира». М.: Издательский дом «Красная площадь», 2006.
13. Мелентьева Н. Размышления о терроре // Элементы. 1996. № 7. С. 17–19.
14. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии. В 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998.
15. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
16. Мусульманские богословы дали в Мекке определение терроризму [Электронный ресурс] // NEWSru.com: Религия и общество. 2002. 15 января. Режим доступа: http://txt.newsru.com/religy/15jan2002/mekka_confer.html.
17. Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М.: ЛКИ, 2007.
18. Поверим алгеброй мировую дисгармонию. Беседа с В.А. Лефевром // Кентавр. 2003. № 31. С. 64–66.
19. Поправко Н.В., Сыров В.Н. Генезис массового сознания // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 66–78.
20. Почепцов Г. Как «переключают народы». Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. К.: Ваклер, 1998.

¹ См.: Hafez M. "A Case Study: The Mythology of Martyrdom in Iraq."

² Аффилиация (от англ. affiliation – соединение, связь) – стремление быть в обществе других людей, потребность человека в создании тёплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с окружающими.

³ См.: Тарасенко В.В. Социология терроризма: фрактальная модель террористической организации [Электронный ресурс] // Московский международный синергетический форум. Режим доступа: www.synergetic.ru/society/print.php?print=terror.

⁴ Трайбализация (от фр. tribu – племя) – признание того, что современные социальные группы, характером своих внутренних связей (текучесть, пунктирность и распыленность сборищ) и положением человека напоминают племена, которые образуются не по принципу кровного родства, а на основе коммуникаций.

⁵ Кассирер Э. Указ. соч. С. 63.

21. Тарасенко В.В. Социология терроризма: фрактальная модель террористической организации [Электронный ресурс] // Московский международный синергетический форум. Режим доступа: www.synergetic.ru/society/print.php?print=terror.
22. Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Избр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 268.
23. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005.
24. Фромм Э. Бегство то свободы. М.: Академический Проект, 2007.
25. ХАМАС: война одних за землю всех [Электронный ресурс] // Warspot. Режим доступа: <http://warspot.ru/963-hamas-voyna-odnih-za-zemlyu-vseh>.
26. Boggs C., Pollard T. "Hollywood and the Spectacle of Terrorism." *New Political Science* 28.3 (2006): 335–351.
27. Cook D. "Islamism and Jihadism: The Transformation of Classical Notions of Jihad into an Ideology of Terrorism." *Totalitarian Movements and Political Religions* 10.2 (2009): 177–187.
28. Hafez M. "A Case Study: The Mythology of Martyrdom in Iraq." *eJournal USA*. May 2007. PDF-file. <<https://www.hsdl.org/?view&did=474035>>.
29. Hafez M.M. "Dying To Be Martyrs: The Symbolic Dimension of Suicide Terrorism." *Root Causes of Suicide Terrorism: The Globalization of Martyrdom*. Ed. A. Pedahzur. New York and Oxford: Routledge, 2006, pp. 54–80.
30. Hafez M.M. "Martyrdom Mythology in Iraq: How Jihadists Frame Suicide Terrorism in Videos and Biographies." *Terrorism and Political Violence* 19.1 (2007): 95–115.
31. Mahmood C.K. "Terrorism, Myth, and the Power of Ethnographic Praxis." *Journal of Contemporary Ethnography* 30.5 (2001): 520–545.
32. Naimark N.M. *Terrorists and Social Democrats: The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
33. Orr A. "Terrorism: A Philosophical Discourse." *Defense & Security Analysis* 29.3 (2013): 177–187.
34. Riegler T. "Through the Lenses of Hollywood: depictions of Terrorism in American Movies." *Perspectives on Terrorism* 4.2 (2010): 35–45.
35. Rowland R.C., Theye K. "The Symbolic DNA of Terrorism." *Communication Monographs* 75.1 (2008): 52–85.
36. Semati M.M. "Sex, Violence, and Terrorism in Hollywood's International Political Imagery." *Media, Sex, Violence, and Drugs in Global Village*. Eds. Y.R. Kemalipour and K.R. Rampal. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2001, pp. 235–260.
37. Simon J.D. "The Forgotten Terrorists: Lessons from the History of Terrorism." *Terrorism and Political Violence* 20.2 (2008): 195–214.
38. Skoll G.R. "Meanings of Terrorism." *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique* 20.2 (2007): 107–127.
39. Stolz D.E. "I'm a Soldier in the Army of the Lord: Terrorism as Sacred Ritual." *Psychological Perspectives* 54.2 (2011): 152–164.
40. Zulaika J., Douglass W.A. "The Terrorist Subject: Terrorism Studies and the Absent Subjectivity." *Critical Studies on Terrorism* 1.1 (2008): 27–36.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Кафтан, В. В. Терроризм в мифологическом пространстве / В.В. Кафтан // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 163—169. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provst1_2-19_20.2015.44.

«Когда рассветет, мы уйдем». Офорт Франсиско Гойи.
Лист из серии «Капричос». 1799